

К ЮБИЛЕЮ А. ЧЕХОВА

15 июля исполнилось 25 лет со дня смерти Антона Павловича Чехова, имя которого в конце прошлого и начале этого века было самым популярным в среде интеллигенции.

Значение Чехова как выразителя настроений тогдашней интеллигенции и яркого бытописателя «сумерек» реакционного периода нашей новейшей истории хорошо известно и мы этих вопросов касаться не будем.

Для нас важно другое. Мы должны отдать себе ясный отчет, почему в наших новых условиях жизни, при наличии совершенно противоположных чеховским настроений мы считаем необходимым отметить 25-ю годовщину его смерти, напомнив читателям о его жизни и работах.

Для нас, редакции современного театрального журнала, это тем более важно, что пьесы Чехова, так властно захватывавшие зрителя в свое время, теперь в большинстве случаев звучат иначе, чужды нашим настроениям.

Одно то обстоятельство, что Чехов принадлежал к оппозиционной интеллигенции еще не может служить поводом для чествования его теперь. Мало ли представителей этой интеллигенции стоят теперь за рубежом, по ту сторону баррикад и вместе с нашими прямыми классовыми врагами до сих пор мечтают остановить и повернуть колесо истории.

В мрачные годы царствования Александра III и в первые годы правления Николая II наша политическая структура знала только одну легальную партию—это партия «верноподданных», к которой, конечно, Чехов не принадлежал и которую он клеймил всячески и во всех своих произведениях.

Он умер как раз накануне 1905 года, когда на политической арене уже открыто выступили те силы, которые затем определенно сгруппировались под теми или иными политическими знаменами.

Выступив на литературное поприще за 25 лет до этого момента, Чехов, автор веселых рассказов и водевилей, незаметно, шаг за шагом, достиг высот литературного и общественного значения, «выдавливая из себя» все время, по его собственному выражению «рабью кровь».

Эти свободные мысли, этот протест против всяческих форм рабства можно видеть во многих его произведениях. Он вкладывает его в уста различных персонажей своих повестей и пьес.

Вот, например, в рассказе «Случай из практики» он дает такую выпуклую и яркую характеристику ненормальности капиталистического хозяйства, которая может заменить десятки страниц публицистических сочинений на эту тему:

«Тысячи полторы—две фабричных работают без отдыха, в нездоровой обстановке, делая плохой ситец, живут впроголодь и только изредка

в кабаке отрезвляются от этого кошмара; сотня людей надзирает за работой и вся жизнь этой сотни уходит на записывание штарфов, на брань, несправедливости и только двое—трое, так называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсем не работают и презируют плохой ситец».

Не менее ярко касается он социальной темы в диалоге своих персонажей в повести «Три года».

Один из героев этой повести, Ярцев, говорит так:—«Вследствие разности климатов, энергии, вкусов, возрастов равенство среди людей физически невозможно. Но культурный человек может сделать это неравенство безвредным так же, как он это сделал уже с болотами и медведями. Достиг же один ученый того, что у него кошка, мышь, кобчик и воробей ели из одной тарелки, и воспитание, надо надеяться, будет делать то же самое с людьми. Жизнь идет все вперед и вперед, культура делает громадные успехи на наших глазах, и, очевидно, настанет время, когда, например, нынешнее положение фабричных рабочих будет представляться таким же абсурдом, как нам теперь крепостное право, когда меняли девок на собак».

Но его собеседник, Костя, смотрит на вещи иначе:

—«Это будет нескоро, очень нескоро, — сказал Костя и усмехнулся, — очень нескоро, когда Ротшильду покажутся абсурдом его подвалы с золотом, а до тех пор рабочий пусть гнет спину и пухнет с голоду. Ну, нет-с, дядя, не ждать нужно, а бороться. Если кошка ест с мышью из одной тарелки, то, вы думаете, она проникнута сознанием? Как бы не так! Ее заставили силой».

Чехова до глубокой боли огорчали слабость и инертность большинства людей его среды. В его произведениях, начиная с «Палаты № 6» и «Расказа неизвестного человека», уже определенно звучит протест, а в своем последнем произведении «Вишневый сад» А. П. Чехов словами «облезлого студента» Трофимова определенно говорит о том, что стало претворяться в жизнь через 12 лет после его смерти:

—«Мы отстали, по крайней мере, лет на двести, у нас нет еще ровно ничего, нет определенного отношения к прошлому, мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьем водку. Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое, покончить с ним, а искупить его можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом».

К концу своего творческого пути А. П. Чехов ясно сформулировал свою политическую линию, и эта линия близка и понятна нашему времени, потому что новая жизнь, которую он приветствовал словами Трофимова, строится нами, и не в узких пределах «вишневого сада» м-м Раневской.